

Учтенна маса
попу Васильеву
мо палеого

На правах рукописи

Оплаканская Рената Валерьевна

о истории

во Владивостоке

**Польская диаспора в Сибири в
конце XVIII – первой половине
XIX века**

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Новосибирск
2001

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории Новосибирского государственного университета

Научный руководитель Д.Я. Резун,
доктор исторических наук
Официальные оппоненты Н.П. Матханова,
доктор исторических наук;
Л.К. Островский,
кандидат исторических наук.
Ведущее учреждение Алтайский государственный университет

Защита состоится «1» октября 2001 г. в 10 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д.003.030.01 по присуждению ученой степени доктора исторических наук в Институте истории СО РАН по специальности 07.00.02. – Отечественная история.

по адресу: 630090, г. Новосибирск, проспект Академика Лаврентьева, 17

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории СО РАН

Автореферат разослан « ___ » 2001 г.

Ученый секретарь
специализированного совета
доктор исторических наук

И.М. Савицкий

И.М. Савицкий

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ. В последнее десятилетие проблема возникновения и функционирования диаспор стала вызывать большой научный интерес в связи с активизацией процесса диаспоризации. Первоначально термин «диаспора» употреблялся по отношению к расселенным по всему миру евреям и армянам. Позднее его стали использовать для характеристики сообществ людей, проживающих за пределами страны их происхождения в иноэтническом окружении.¹ Под диаспорой понимается «культурно отличительная общность людей на основе представлений об общей родине и выстраиваемые на этой основе культурные связи, группы солидарного и демонстративного отношения к родине».² Критериями диаспоры следует считать: 1) установление факта рассеянного проживания; 2) насильственный или вынужденный характер мигрантов; 3) наличие романтического идеала исторической родины и стремление содействовать ее процветанию либо восстановлению политической независимости; 4) наличие идеи возвращения на историческую родину; 5) высокий уровень этнического самосознания, которое проявляется в стремлении сохранить национальную самобытность и самоназвание; 6) наличие организованной деятельности диаспоры (земляческой, общественно-политической, религиозной и т.п.); 7) деятельность членов диаспоры, направленная на развитие принимающего общества при условии его терпимого отношения.³

В конце XVIII – первой половине XIX в. в Сибири сложились условия, способствующие возникновению польской диаспоры. В этот период сюда ссылались участники движения за восстановление независимости польского государства, которое прекратило свое существование после трех разделов. По мере интеграции польских тер-

¹ Арутюнян С. А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 77.

² Тишков В. В. Исторический феномен диаспоры // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 43-64. С. 50.

³ Тощенко Ж. П., Чаптыкова Т. Т. Диаспора как объект социологического исследования // Социально-политический журнал. – 1996. – № 12. – С. 34-42; Вишневский А. Г. Распад СССР: этнические миграции и проблема диаспор // Общественно-политические науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 119-120.

риторий в Российскую империю в XIX в. ее население начало принимать участие в освоении Сибири. В условиях иноэтнического окружения перед поляками вставала проблема адаптации. От сибиряков их отличала приверженность к иной политической, культурной традиции и религии. Насильственное переселение в Сибирь и статус политических ссыльных также способствовали росту национального самосознания и единения поляков. Диаспора стала наиболее приемлемой формой сохранения национальной и культурной самобытности поляков в Сибири.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТЕМЫ. Выделяют три периода отечественной историографии поляков в Сибири: дореволюционный, советский и постсоветский. В XIX в. тема не могла получить развития, поскольку характер появления в Сибири поляков указывал на репрессивную политику правительства. К тому же польское освободительное движение не вызывало сочувствия у российской общестственности.⁴ Едва ли не единственной работой, освещавшей историю поляков в Сибири, стал трехтомный труд С. В. Максимова «Ссылка и каторга в Сибири».⁵ С. В. Максимов рассматривал польскую политическую ссылку в контексте общей истории ссылки, чему посвятил отдельную главу. Он выделил несколько этапов формирования системы ссылки, отмечая их совпадение с основными этапами революционного движения в России. Положительной стороной работы С. В. Максимова стала его попытка охарактеризовать социально-политическое положение политических ссыльных, отразить отличия и сходство статуса декабристов и ссыльных поляков.

Дальнейшее развитие тема получила в советский, причем послевоенный, период. Марксистская методология установила концептуальные ограничения на проблематику исследований. История поля-

⁴ Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. М., 1975. - С. 36; Записки А. В. Берга. О польских заговорах и восстаниях. 1831 - 1862 // Русский архив. - М., 1973; Цесаревич Константин Павлович. 1779 - 1831. Историко-биографический очерк. Составил Е. П. Карнович // Русская старина. Январь. Цесаревич Константин Павлович. 1779-1831. Историко-биографический очерк. Составил Е. П. Карнович // Русская старина. - М., 1978. - январь. - С. 5.

⁵ Максимов С. В. Ссылка и каторга в Сибири. - СПб, 1900.

ков в Сибири могла рассматриваться в контексте революционной борьбы. Интерес к теме возрос в связи с развитием декабристологии и празднованием 100-летней годовщины польского восстания 1863 года.⁶

Большинство работ рассматривает историю поляков в Сибири в политико-правовом аспекте. Известным специалистом по истории польской политической ссылки был В. А. Дьяков. Он обрисовал круг проблем, которые в дальнейшем стали предметом исследований других историков.⁷ Обращаясь к вопросу о социально-правовом положении польских ссыльных, В. А. Дьяков показал, что ссылка не приносила экономической выгоды правительству и была направлена на изоляцию участников освободительного движения от общества.⁸ Большая группа работ рассматривала польскую политическую ссылку в контексте истории российской репрессивной системы XIX - начала XX вв. В серии работ С. В. Кодан показал, что в период с 1826 по 1861 г. в России сформировалась централизованная система управления политической ссылкой, охарактеризовал социально-правовой статус польских ссыльных - каторжников, ссыльнопоселенцев, военнослужащих - и их место в общей системе ссылки.⁹ В том же направлении работали исследователи В. Н. Дворянов и Л. М. Дамешек.¹⁰ Весомый вклад в разработку темы внес Б. С. Шостакович. Исследователь привлек широкий круг источников восточносибирских архивов, мемуары и переписку ссыльных. В серии статей Б. С. Шостакович рассмотрел основные этапы развития польской ссылки,

⁶ Ольшанский П. Д. Декабристы и участники польского освободительного движения. М., 1958; Тальская О. Б. Декабристы в Кургане // Социальные революционеры в Сибири (XIX в. - февраль 1917 г.). - Выпуск 8. - Иркутск, 1989 и др.

⁷ Дьяков В. А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного. М., 1972.

⁸ Он же. Польская ссылка эпохи декабризма // Сибирь и декабристы. - Выпуск 1. - Иркутск, 1978.

⁹ Кодан С. В. Устав об этапах 1822 года // Государственно-правовые институты самодержавия. - Иркутск, 1982; Он же. Политическая ссылка в Сибирь в системе карательных мер самодержавия первой половины XIX века. - Иркутск, 1980; Кодан С. В., Шостакович Б. С. Сибирская политическая ссылка во внутренней политике самодержавия // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX - февраль 1917 г.). - Выпуск 12. - Иркутск, 1991.

¹⁰ Кодан С. В. Амнистия 1856 - 1861 гг. и сибирская политическая ссылка // РСР. Иркутск 1985. Выпуск 9 и др.

социальный состав и правовое положение ссыльных, коснулся проблемы их адаптации в сибирском обществе. Особое внимание он уделил характеристике ссыльных польских конспираторов.¹¹ Б. С. Шостакович первый опубликовал работу, посвященную отечественной и польской историографии проблемы.¹²

Большая группа работ посвящена общественно-политической деятельности поляков в Сибири. Интерес вызвали, прежде всего, события политического характера. Обстоятельства побега ссыльных во главе с П. Высоцким из Александровского винокуренного завода посвящена статья Б. С. Шостаковича, В. А. Дьякова и Д. Б. Кацнельсона.¹³ Важным событием стал заговор ссыльных участников польского восстания в Омске в 1832 – 1833 гг. К истории его возникновения обратился А. С. Нагаев. Автор рассмотрел цели проекта польских ссыльных, круг его участников, обстоятельства их разоблачения и деятельность следственной комиссии.¹⁴ Занимаясь в течение многих лет исследованиями по истории заговора поляков в 1832 – 1833 гг., А. С. Нагаев привлек широкий круг источников, которые систематизировал и подверг критическому анализу в отдельной статье.¹⁵

¹¹ Шостакович Б. В. Ссыльные участники экспедиции Ю. Заливского в Восточной Сибири // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Выпуск 5. – Иркутск, 1980; Он же. Материалы ГАИО о пребывании в восточносибирской ссылке «свентокшижцев» – участников Варшавской организации «Содружество польского народа» // Выпуск 3, – Иркутск, 1983.

¹² Он же. Историография политической ссылки поляков в Сибирь в XIX – начале XX в. // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). Выпуск 9. – Иркутск, 1985.

¹³ Дьяков В.А., Кацнельсон Д.Б., Шостакович Б.С. Петр Высоцкий на сибирской катарге. (1835-1856) // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.). – Выпуск 4. – Иркутск, 1979.

¹⁴ Нагаев А. С. «Омское дело». 1832 – 1833 // Ссыльные революционеры в Сибири... Выпуск 8. – Иркутск, 1983; Он же. «Омское дело». 1832 – 1833. – Красноярск, 1991; Он же. Источники и литература по истории «Омского дела». 1832 – 1833 // Политическая ссылка в Сибирь. XIX – начало XX века. Историография и источники. – Новосибирск, 1987.

¹⁵ Нагаев А. С. Источники и литература по истории «Омского дела». 1832 – 1833 // Политическая ссылка в Сибирь. XIX – начало XX века. Историография и источники. – Новосибирск, 1987.

Общественно-политической деятельности поляков посвящена совместная работа В. А. Дьякова и Г. С. Сапаргалиева. Исследователи показали, что в процессе освоения Россией азиатских территорий возникала необходимость в привлечении профессиональных военных, врачей и ученых. Таким образом, у польских политических ссыльных появлялась возможность реализовать себя в условиях ссылки.¹⁶

В меньшей степени освещена неполитическая деятельность поляков в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века. Группу работ по этой проблематике написал В. А. Дьяков. Автор обратился к судьбе известных представителей польской политической ссылки, охарактеризовав их мировоззрение и общий культурный уровень.¹⁷ Профессиональной и творческой деятельности польских ссыльных в Сибири посвящены статьи Ф. И. Стекловой, М. А. Белокрыса.¹⁸ Исследователи показали, что политических ссыльных невозможно было полностью изолировать от общества, а их образованность и таланты были востребованы сибирским обществом.

Слабо освещенной оказалась хозяйственная деятельность поляков в Сибири. Правда, в последние годы в этом направлении появились положительные подвижки. Ценные сведения представлены о поляках-предпринимателях в «Краткой энциклопедии по истории купечества и коммерции Сибири». В ряде работ по истории сибирского предпринимательства встречаются упоминания о хозяйственной деятельности отдельных поляков, таких как А. Поклевский-Козелл.¹⁹

¹⁶ Сапаргалиев Г. С., Дьяков В. А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. – Алма-Ата, 1971.

¹⁷ Дьяков В. А. Литературные интересы польских конспираторов 30 – 40-х гг. // Польский романтизм и восточнославянские литературы. – М., 1983.

¹⁸ Стеклова Ф. И. Романтические поэмы Г. Зелинского на восточные темы // Польский романтизм и восточнославянские литературы. – М., 1983.

¹⁹ Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири: - Т. 1-4. – Новосибирск, 1994-1998. Большаков В. Н. Очерки истории речного транспорта в Сибири в XIX веке. – Новосибирск, 1990; См.: Головин Б. Д. История парового судоходства в Обь-Иртышском бассейне. Краткий очерк. – Омск, 1947; Fiel S. Na syberyjskim trakcie. Polacy w Kraju Tyumenskim. – Warszawa, 1999.

Совершенно не разработанной в отечественной историографии остается проблема добровольных польских переселенцев. Известно, что население Царства Польского принимало участие в освоении Сибири, но его характер и масштабы только предстоит выяснить.

В последнее десятилетие отмечается расширение тематики исследований. Большой интерес вызывают проблемы культурологического характера. Поэтому вполне естественным выглядит обращение отечественных ученых к духовной жизни общества. Истории римско-католического прихода в Восточной Сибири посвящена статья Б. С. Шостаковича, в которой автор наметил круг задач для будущих исследований по этой теме.²⁰

История культурного влияния поляков на сибиряков рассматривается на страницах сборника «Поляки в Бурятии», который издается по инициативе Центра Польской культуры Республики Бурятия. Публикации сборника носят популярный характер, поскольку рассчитаны на широкий круг читателей. Однако сборник имеет несомненную ценность для развития краеведения и популяризации идеи о значимости межэтнического взаимодействия.²¹

Работ обобщающего характера по истории поляков в Сибири практически нет. Правда, в 1996 году в Иркутске вышла монография Б. С. Шостаковича, охватывающая период XVIII – XIX вв. Однако при заявленных хронологических рамках невозможно представить полную картину жизни поляков в первой половине XIX в.²²

Периодизация польской историографии соответствует основным историческим этапам развития польской истории последних двух веков. Первый этап охватил XIX – начало XX вв.; второй этап пришелся на период развития Польши между двумя мировыми войнами; третий этап историографии проблемы начался после окончания войны и был ознаменован утверждением в польской исторической науке марксистской методологии. Последний этап развития историографии

²⁰ Szostakowicz B. Dzieje Irkuckiej parafii rzymsko-katolickiej do początków wieku XX (Na podstawie materiałów Archiwum Państwowego obwodu Irkuckiego) // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. – Wrocław, 1997. S. 106 – 115.

²¹ Поляки в Бурятии. Выпуск 1 – 3. – Улан-Удэ, 1996 – 2000.

²² Шостакович Б. С. История поляков в Сибири. – Иркутск, 1996.

проблемы совпал с процессом демократизации польского общества и его структур.

Выбор направлений и формирование научных концепций по истории поляков в Сибири соответствовал системе политических ценностей польского общества. Но во все времена политические ссыльные рассматривались как герои-мученики. Поэтому на многие десятилетия исследования по истории поляков в Сибири проводились на основе мартирологического подхода.

Начало исследованиям по истории поляков в Сибири положила работа политического ссыльного А. Гиллера. «Описание Забайкальского края» А. Гиллера представляет собой очерки из жизни польских ссыльных в Восточной Сибири. В то же время автор старался описать географические, экономические и культурные особенности Сибири. Поэтому работа А. Гиллера стала использоваться в качестве исторического источника еще в прошлом веке. Работа А. Гиллера не может считаться научной – в ней отсутствует социально-политический анализ описываемых событий и не используются исследовательские методы, но ее значимость сохраняется до сих пор, поскольку она позволяет взглянуть на проблему ссылки и адаптации поляков в Сибири «изнутри».²³

Истории поляков в Сибири посвящена работа З. Либровича. Подход З. Либровича соответствовал настроениям польского общества, которое рассматривало соотечественников в Сибири как миссионеров. Наибольшее внимание автор уделил истории польской ссылки XIX века. Он выделил и охарактеризовал основные волны польской политической ссылки. Историка интересовали позитивные моменты ссылки, которые бы свидетельствовали о цивилизационной роли поляков в истории слабо развитого края.²⁴

Следующая значительная работа по истории польской ссылки – М. Яника – вышла в свет в 1928 г.²⁵ Автор также рассматривал сибирскую ссылку соотечественников как пример героизма в борьбе за отстаивание европейских ценностей. Он выделил основные этапы

²³ Giller A. Opisanie Zabajkalskiej krajny, w Syberii. – Lipsk, 1867. N. 1 – 3.

²⁴ Librowicz Z. Polacy na Syberii – Kraków, 1880. – S. 451.

²⁵ Janik M. Dzieje polaków na Syberji. – Kraków, 1928.

появления поляков в Сибири, но остановился на истории политической ссылки XIX века. М. Яник привел списки поляков, сосланных в Сибирь в период с конца 1830-х гг., что является ценной информацией для отечественных исследователей, не имеющих возможности ознакомиться с польскими архивными материалами. Благодаря привлеченным М. Яником источникам, часть которых была утрачена в годы второй мировой войны, работа до сего момента сохраняет значимость для всякого исследователя польской ссылки в Сибирь.²⁶

Кроме М. Яника в межвоенный период историей политической ссылки в Сибирь занимались и другие польские историки, но их исследования были посвящены более позднему периоду ссылки.

Во времена существования ПНР интерес к истории польской политической ссылки в Сибирь получил новый импульс в связи со столетней датой восстания 1863 года. На базе марксистской методологии занимался освещением истории сибирской ссылки поляков В. Евсевицкий. Он рассмотрел наиболее значительные моменты ссылки, начиная с конца XVIII века. Кроме того, В. Евсевицкого интересовало правовое положение и численность ссылных поляков в Сибири. Приведенные им цифры вызывают возражения. По всей видимости, В. Евсевицкий назвал общее число поляков, сосланных «в глубь России» после подавления восстания, что вовсе не подразумевало однозначной высылки в Сибирь.²⁷ Следует отметить, что численность польских ссылных в Сибири остается не выясненной до сих пор, и достигнуть этого можно лишь при наличии комплексной источниковой базы — документов из фондов польских и российских архивов.

История политической ссылки в польской историографии получила широкое научное освещение. Значительный блок работ посвящен проблеме эволюции польской системы карательных мер в период «российской оккупации» Польши, одной из которых стала ссылка в Сибирь. Негативно оценивая карательную российскую систему,

²⁶ Brus A., Kaczyńska E., Śliwowska W. *Żeśłanie i katorga na Syberii w dziejach polaków*. Warszawa, 1991. S. 5.

²⁷ Jewsiewicki W. *Na syberyjskim żeśłaniu* — Warszawa, 1959.

польские историки все же признают, что сибирская ссылка была мягче, нежели ссылка в британские и французские колонии.²⁸

В настоящее время хронологические рамки работ по истории политической ссылки расширились за счет первой половины XX века — времени депортаций. В последнее десятилетие подвергается критике мартирологический подход, который преобладал в польской историографии. Речь идет о том, что необходимо рассматривать сибирский период в истории Польши, преодолев предвзятое отношение к России.²⁹ Все большее внимание польских исследователей привлекает история польско-сибирских культурных связей. Современные исследования нацелены на выяснение роли поляков в научном изучении Сибири. Особо следует выделить работу А. Кучинского «Сибирские дороги».³⁰ В ней рассматривается история появления в Сибири поляков, которые оставили записки с описанием экзотики Сибири: ее географических и этнографических особенностей. Параллельно с А. Кучинским проводили исследования В. Армон и Х. Малговская.³¹

Справедливости ради следует заметить, что мартирологический подход способствовал возрастанию интереса польских историков к хозяйственной и культурно-просветительской деятельности соотечественников в Сибири (А. Кучинский, Я. Вуйчек, Я. Трынковский).³² В 1998 г. по итогам международной конференции вышел сборник статей «Сибирь в истории и культуре польского народа». Большая группа опубликованных в нем работ посвящена истории поляков в Сибири в конце XVIII — XIX вв. В источниковедческой статье В. Вернеровой дается анализ реляций польских миссионеров, которые совершали поездки в Восточную и Западную Сибирь в начале XIX века и оставили интересные записи о природе, хозяйстве и образе жизни

²⁸ Kaczyńska E. *Człowiek przed sądem. Społecznie aspekty przestępności w Królestwie Polskim. 1815 — 1914.* — Warszawa, 1982; Jeje. *Ludzi ukarani. Więzienia i system kar w Królestwie Polskim.* — Warszawa, 1989.

²⁹ Романовский А. Сибирь и поляки // Новая Польша. — 2000. — № 3. — С. 45–48.

³⁰ Kuczyński A. *Syberyjskie szlaki.* — Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1972.

³¹ Armon W. *Polscy badacze kultury Jakutów.* — Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, 1977; Małgowska H. *Sierosiewski i Syberia.* — Toruń, 1973

³² Trynkowski J. *Maciej Łowicki i jego "Lekarsko praktyczne notatki" // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego.* — Wrocław, 1999. S 136–144.

сибиряков.³³ Следует также отметить статью Я. Волчук. Автор пишет, что в 30 – 60-е гг. XIX в. в представлении поляков Сибирь стала рассматриваться как «край интересов», и таким образом создавалась база для добровольной миграции.³⁴

Обзор российской и польской историографии проблемы показал, что на протяжении последних полутора веков исследования по истории польской диаспоры в Сибири зависели от политической конъюнктуры. В России досоветского периода проблема появления польской диаспоры в Сибири была неудобной для власти. Советские историки обращались преимущественно к теме революционной борьбы. Исследования социокультурного характера стали появляться лишь после того, как в отечественной науке утвердился принцип методологического плюрализма.

Польскую литературу по истории поляков в Сибири также отличали недостаточная широта проблематики и отсутствие комплексного характера исследований.³⁵ Восторженное отношение к ссыльным соотечественникам не оставляло место для критики. Однако, рассматривая историю политической ссылки соотечественников, польские историки обращали свой взор на Сибирь, ее население, национальную и культурную специфику. В последние десятилетия XX в. польские историки выказывают мысль о том, что знакомство соотечественников с Сибирью имело и положительные стороны. Таким образом, можно констатировать, что российскими и польскими историками была создана необходимая теоретико-методологическая база для изучения истории польской диаспоры в Сибири.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ. Объектом данного исследования является польская диаспора в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века. Предметом исследования стали этапы и источники формирования польской диаспоры, ее формы функционирования и процесс интегрирования в сибирское общество.

³³ Wernerowa W. Relacje polskich misjonarzy z Syberii z początku XIX wieku // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. – Wrocław 1999 S.69 – 77.

³⁴ Wołczók J. Wiedza o Syberii w szkołach Królestwa Polskiego okresu międzypowstaniowego // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. – Wrocław, 1999 -S. 91 – 100.

³⁵ Романовский А. Сибирь и поляки. - С. 45.

Целью работы является исследование процесса становления польской диаспоры в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века. Достижение этой цели предполагает решение ряда задач:

- установление источников формирования и пополнения диаспоры, а также социальных характеристик и правового статуса ее членов;
- рассмотрение форм консолидированной деятельности поляков, которая свидетельствовала об их этническом самосознании, стремлении сохранить национальный характер и национальную культуру (самоназвание, политическое, религиозное и земляческое движения);
- выяснение степени интегрирования польской диаспоры в сибирское общество в конце XVIII – первой половине XIX века, нашедшего отражение в хозяйственной и культурно-просветительской деятельности поляков.

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ РАБОТЫ охватывают период с конца XVIII века и до 60-х гг. XIX в. Начальная датировка исследования определялась моментом, когда в Сибирь стали ссылаться участники польского освободительного движения, которых отличали высокий уровень этнического самосознания и стремление сохранить национальный характер. Конечная дата исследования была определена новым этапом польской политической ссылки, начавшимся после подавления восстания 1863 г., а также началом проведения либеральных реформ, которые способствовали изменению масштабов участия поляков в освоении Сибири.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ РАМКИ РАБОТЫ определены в соответствии с расселением политических ссыльных и добровольных польских переселенцев в конце XVIII – XIX в. Максимальный охват территорий включает Томскую, Тобольскую губернии и Омскую область, в которую к середине прошлого века вошли территории Петропавловского, Семипалатинского, Усть-Каменогорского округов, ныне принадлежащих Казахстану, а также часть Енисейской и Иркутской губерний Восточной Сибири. На остальном пространстве Сибири численность поляков была незначительной.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ основана на конкретно-историческом, историко-ретроспективном и социокультурном подходах. Социокультурный подход позволяет рассматривать развитие польской диаспоры в процессе диалектического взаимодействия с многонациональным сибирским обществом, а историко-ретроспективный подход – с определенной исторической дистанции выделять основные тенденции, характеризующие процесс становления сибирской диаспоры поляков. Объективность результатов исследования может быть достигнута благодаря социологическим методам. Контент-анализ биографий членов польской диаспоры дает возможность проследить динамику и тенденции развития различных социальных групп, убеждения и культурные особенности ее представителей. Практика контент-анализа заключается в выделении и подсчете смысловых единиц и их толковании.³⁶ Например, изменения социального состава польских ссыльных прослеживаются на основе данных об их социальном происхождении и роде занятий. В исследовании также применялись «восходящий» и «нисходящий» методы. В первом случае единицей классификации является отдельный индивид, а на каждом последующем уровне классификации индивиды объединяются в группы по принципу сходства («поселенец», «каторжник» и т.п.). Процедуры «нисходящего» метода позволяют разбить исходную совокупность индивидов на небольшие группы, что позволяет выделять латентные социальные группы.³⁷ В совокупности «нисходящий», «восходящий» методы и контент-анализ позволили на основе архивных материалов создать генеральную совокупность индивидов и классифицировать ее, не потеряв при этом скрытые совокупности, выявить социальные характеристики, внутренние и внешние связи индивидов, а также распределение этих связей на основе целого ряда критериев (политика, семья, дружба, служба и т.п.).

³⁶ Ральф Тернер. Контент-анализ биографий. // Сравнительная социология. Избранные переводы. – М., 1995. – С. 185 – 187.

³⁷ Более подробно об этих методах см.: Метер К. ван. Методы изучения латентных социальных групп // Сравнительная социология. Избранные переводы – М, 1995 – С.196 – 203.

ИСТОЧНИКОВУЮ БАЗУ исследования составили опубликованные ранее документы и документы, извлеченные из фондов ГАРФ, ГАИО, ГАТО, ГАОО, МГТА, ГАЧО, РГВИА.³⁸

К документальным источникам относятся законодательные акты Российского государства, делопроизводственная документация и статистика. Нарративные источники представлены мемуарами, перепиской ссыльных и прессой.

Законодательные акты стали вовлекаться в научный оборот еще в прошлом веке. Для выяснения правовой базы политической ссылки были использованы законодательные акты, содержащиеся в ПСЗРИ и сборнике под названием «Памятник законов».³⁹ В законах, прежде всего в Уставе о ссыльных 1822 г., утверждались основные моменты политической ссылки в Сибирь: система учреждений ссылки; статус политических ссыльных, условия их содержания; режим употребления ссыльных в работах и т.д. Законодательное регулирование добровольного переселения в Сибирь в первой половине XIX века осуществлялось на основе указа 1797 года, который проводил разграничения в правовом статусе ссыльных и добровольных переселенцев в Сибирь.

Самый большой по объему массив источников представлен делопроизводственной документацией центральных и сибирских учреждений, прежде всего III отделения собственной Е.И.В. канцелярии, Министерства внутренних дел, главных управлений Западной и Восточной Сибири и подчиненных им учреждений, извлеченной из фондов ГАРФ, ГАИО, ГАОО, ГАТО, ГАЧО и МГТА. Эти источники подразделяются на несколько групп. Первая группа документов имеет обобщающий характер. Сюда относятся инструкции, исходящие из МВД и III отделения собственной Е.И.В. канцелярии, в которых содержались «высочайшие соизволения» императора, комментарий к законам, уточнялись полномочия глав сибирской администрации. В эту же группу вошла текущая документация сибирских учреждений,

³⁸ Политическая ссылка. Нерчинская каторга. История Сибири. Первоисточники. Часть 1. - Новосибирск, 1993.

³⁹ ПСЗРИ. Собрание I. Т. 38; «Памятник законов». Составлен Федором и Александром Правиковыми. Часть V. СПб, 1813.

осуществлявших надзор за ссыльными. В регулярных отчетах и рапортах губернских, окружных и градских учреждений отражена повседневная жизнь политических ссыльных, а регулярный характер их составления позволяет выявить тенденции процесса становления системы ссылки.

Во вторую группу делопроизводственных источников вошли материалы о помилованиях 1841 – 1842 гг., начала и середины 50-х гг. XIX в. Они представлены перепиской центральных и сибирских учреждений о порядке проведения амнистий и именными списками «секретных арестантов», составленными чиновниками нескольких ведомств. В именные списки вносилась информация о социальном происхождении, приговоре, месте и времени отбывания наказания и поведении ссыльных. Всего было привлечено 22 именных списка ссыльных за 1841 – 1842 гг., 1850 – 1852 гг., извлеченных из фондов ГАРФа и ГАОО.

К категории делопроизводственной документации относятся материалы расследований политических проектов польских ссыльных в Сибири в первой половине XIX века. В эту группу вошли опубликованные материалы расследования «Омского дела» начала 30-х гг. XIX в. из фондов РГВИА и ГАИО, которые были дополнены малоизвестными документами из 24 фонда ГАИО и 109 фонда (I экспедиция) ГАРФ.⁴⁰ Был введен в научный оборот документ из фонда ГАОО о заговоре польских военнопленных наполеоновской армии, которые намеревались поднять восстание в Западной Сибири в 1814 году.

Наконец, к материалам делопроизводства относятся комплексы документов по истории строительства и содержания помещений католической церкви в г. Томске, извлеченных их фондов ГАОО.

Во время исследования привлекались статистические данные. Информативную ценность представляют крестоприводные книги Томской церкви, которые пока еще слабо вовлекались в научный оборот. В них регистрировались социальное положение и место жительства поляков. Данные о восприемниках окрещенных младенцев

⁴⁰ Политическая ссылка. Нерчинская каторга. История Сибири. Первоисточники. Часть 1. – Новосибирск, 1993.

позволяют установить внутренние и внешние связи членов польской диаспоры. Помимо метрических книг, были использованы статистические сведения о темпах роста, динамике расселения и социальном составе жителей отдельных сибирских губерний и городов, публиковавшихся в специальных работах и периодических изданиях прошлого века. Последняя разновидность статистических материалов является косвенным источником по истории польской диаспоры.⁴¹

Нарративные источники представлены периодическими изданиями XIX в. Пресса также является косвенным источником, поскольку не содержит непосредственных данных о жизни польской диаспоры в Сибири (за исключением выпуска «Сибирского вестника», опубликовавшего записки поляков). Однако в рамках ретроспективного метода материалы прессы позволяют увидеть, в каких условиях складывалась польская диаспора прошлого века. Наиболее интересен журнал «Сибирский вестник», в котором были опубликованы записки о путешествии по Сибири ссыльного И. Копеца (XVIII в.) и польского монаха Т. Машевского. Записки последнего появились во время его поездки в 1817 году по Иркутской губернии и содержали разнообразные сведения о жизни ее населения. Во время исследования использовались публикации «Вестника Императорского Русского Географического Общества» (ВИРГО) за 1850 – 1862 гг.

Нарративные источники представлены еще одной группой материалов: мемуарами, записками и перепиской поляков, оказавшихся в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. Следует выделить такие интересные источники, как реляции польских монахов Каменского, Машевского, Игнатовича и Афонасевича. Название «реляции» за ними закрепилось по той причине, что их авторы совершали официальные поездки по Сибири в 1816 – 1821 гг. с миссионерскими целями. Представленные в реляциях сведения позволяют судить о степени проникновения в Сибирь католической церкви, о размещении, условиях проживания сибирских католиков.⁴² Мемуары поль-

⁴¹ Сборник статистических сведений о России. Издание Статистического Отделения ИРГО. Книга 1. СПб, 1851; Сборник статистических сведений о России. Книга 2. – СПб, 1854; Вестник ИРГО. – СПб, 1850 – 1862 гг.

⁴² Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. – Wrocław, 1999. – S. 73-78.

ских политических ссыльных в России не издавались. В диссертационной работе были использованы отрывки из воспоминаний ссыльных Ф. Чечерского, К. Волицкого, Р. Блонского, Ю. Ручинского и др., опубликованных в разделе «Антология» работы А. Брус, Э. Качинской и В. Сливовской.⁴³ Мемуары позволяют установить то, что не нашло отражение в делопроизводственной документации и статистических материалах: степень соответствия условий жизни ссыльных правовому статусу «политических преступников»; характер взаимоотношений поляков с чиновниками, осуществляющими за ними контроль, и местными жителями; характер участия поляков в жизни сибирского общества. Дополнить картину жизни польской диаспоры в Сибири в первой половине XIX века позволяют мемуары декабристов.⁴⁴

Последняя категория нарративных источников представлена перепиской поляков. Во время исследования были использованы опубликованные и извлеченные из ф. 109 ГАРФа письма польских ссыльных и декабристов.⁴⁵

На основе всех перечисленных источников была составлена Генеральная картотека персоналий (ГКП) – членов польской диаспоры. В нее вошли имена поляков, проживавших в Сибири в период с конца XVIII в. и до начала 60-х гг. XIX века. Всего в картотеку вошли данные о 401 политическом ссыльном и 799 польских переселенцах. Главными источниками послужили именные списки ссыльных и крестоприводные книги Томской католической церкви за 1834 – 1860 гг. Составленный список был сопоставлен со списком польских ссыльных М. Яника, опубликованным в работе «История поляков в Сибири», в процессе чего были выявлены расхождения в данных. Это объясняется тем, что в список М. Яника попали поляки, которые были сосланы «в глубь» России, что не означало неременной ссылки в

⁴³ Brus A., Kaczyńska E., Śliwowska W. *Żeślanie i katorga w dziejach Polaków*. – Warszawa, 1991.

⁴⁴ Лорер Н. И. *Записки декабриста*. – Иркутск, 1984; Муравьев А. Н. *Сочинения и письма*. – Иркутск, 1986.

⁴⁵ Из эпистолярного наследия декабристов. *Письма к Н. Н. Муравьеву*. – М., 1975; Муравьев А. Н. *Записки и письма*. – Иркутск, 1986; Н. И. Лорер. *Записки декабриста*. Иркутск, 1984; *Сибирские письма декабристов. 1838 – 1850*. – Красноярск, 1987.

Сибирь. Однако список М. Яника позволил уточнить биографические данные польских политических ссыльных второй четверти XIX века. Данные о добровольных переселенцах были почерпнуты из метрических книг Томской римско-католической церкви, в которых фиксировались наиболее важные события в жизни прихожан. О политических ссыльных в ГКП заносились дополнительные сведения: о совершенном «преступлении», приговоре суда и его исполнении, времени прибытия в ссылку и изменениях положения после проведения амнистий. Биографии поляков были проанализированы по тематическим рубрикам: 1) время и место рождения; 2) происхождение; 3) образование, род занятий до и после появления в Сибири; 4) семейное положение; 5) причины появления и социальный статус в Сибири; 6) общественная деятельность; 7) круг общения. На основе «нисходящего» метода были выделены две большие группы. В одну вошли поляки, попавшие в Сибирь не по политическим мотивам (переселенцы, военнослужащие др.), а в другую – политические ссыльные. Анализ последней группы позволил выделить следующие группы ссыльных: поляков, сосланных за конкретные политические деяния (участие в восстании, тайных обществах и т.д.) «Восходящий» метод, основанный на принципе «снежного кома», был использован для классификации данных о польских переселенцах. Сбор и анализ биографии конкретного индивида автоматически пополнял картотеку данными об одном или нескольких других индивидах: членах семьи, соратниках, друзьях, сослуживцах.

Несмотря на то, что в современной исторической науке до сих пор нет окончательных данных по численности поляков в Сибири в рассматриваемый период, данные ГКП можно считать репрезентативными, поскольку в современной социологии необходимым минимумом для проведения исследований являются данные в объеме 400 единиц.

В целом, объем и характер выявленных источников представляется достаточным для исследования истории польской диаспоры в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА И ПРАКТИЧЕСКАЯ

ЗНАЧИМОСТЬ РАБОТЫ. Выбор темы и постановка проблемы исследования определялись тем, что до сих пор в отечественной науке не было работы, в которой бы рассматривалась история становления польской диаспоры в Сибири. В то же время проблематика исследования продиктована не только научным, но и практическим интересом. Конец XX в. был ознаменован развитием национального сепаратизма и экстремизма во всем мире. Поэтому представляется важным обратиться к положительному опыту межэтнического общения на примере взаимодействия членов польской диаспоры с принимающим, в данном случае, сибирским обществом. Обращение к истории становления польской диаспоры в Сибири может пополнить эмпирическую базу для теоретических обобщений по проблеме этносов и наций. Наконец, исследование по истории диаспоры поляков позволило бы восполнить пробел в истории такого большого региона России как Сибирь, а отчасти – истории Польши.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, приложения.

ВО ВВЕДЕНИИ обоснована актуальность темы, обозначены цель и задачи, хронологические и территориальные рамки исследования, его научная новизна и практическая ценность, даны историография проблемы и обзор источников.

В ПЕРВОЙ ГЛАВЕ – «Социальные характеристики и правовой статус поляков в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века» – рассматриваются источники формирования польской диаспоры в Сибири, соотношение социальных групп среди прибывавших в Сибирь поляков и их правовой статус. С того момента, как в конце XVIII века Речь Посполитая прекратила свое существование, на ее территориях, вошедших в состав России, Австро-Венгрии и Пруссии возникает национально-освободительное движение. В России одной из мер борьбы с политическими оппонентами была ссылка в Сибирь. По мере расширения движения за восстановление независимости Польши, возрастали масштабы политической ссылки его участников в Сибирь. Польских политических ссыльных отличал высокий уро-

вень этнического самосознания. Это объясняет тот факт, что они не ассимилировались с местным населением, как это происходило с их соотечественниками в XVII – XVIII вв. На основе биографических данных о 401 польском политическом ссыльном, которые вошли в Генеральную картотеку персоналий (ГКП), можно составить представление о социальном составе ссыльных поляков. Выделялось несколько волн польской политической ссылки. Первая волна растянулась с конца XVIII и до начала 30-х гг. XIX века. В это время реформировалась система политической ссылки, и определился политический статус Польши. Только после Венского конгресса 1815 г. Польша окончательно потеряла свою независимость. Массовая ссылка поляков в Сибирь началась после подавления польского восстания в 1831 г. Вслед за повстанцами в середине 30-х гг. XIX в. в Сибирь попали участники партизанского движения Ю. Заливского, которые предполагали поднять новое восстание в Польше. С конца 30-х гг. в сибирской ссылке оказались члены конспиративных организаций Царства Польского, которые разрабатывали проекты восстановления независимости польского государства и общественного переустройства. В число ссыльных в период с 40-х по 50-е гг. XIX в. попадали поляки, принимавшие участие в восстаниях в австрийской Галиции и Краковской республике.

В соответствии с данными ГКП среди политических ссыльных поляков в конце XVIII века и до 1863 г. – начала нового этапа ссылки после подавления польского восстания, встречались преимущественно представители высокостатусных сословий. Под высокостатусными сословиями понимаются те, принадлежность к которым обеспечивала независимое и привилегированное положение в обществе. Сюда следует отнести дворян, чиновников, офицеров и унтер-офицеров, учащуюся молодежь (т.к. возможности получения образования в сословном обществе были ограничены), духовенство и нарождающуюся интеллигенцию.

Самая большая социальная группа была представлена польским дворянством, которое играло наиболее активную роль в освободительном движении – 46,26%. В отдельные периоды, например, среди ссыльных членов конспиративной организации Ш. Конарского, доля дворян составляла свыше 70%. Среди ссыльных были представители

титованного дворянства: графы и князья. Часть польских дворян до ссылки имела чиновничьи должности либо военные звания. В ГКП категория военных (офицеров и унтер-офицеров) составила 12,68% от общего списка лиц, польских чиновников – 8,95% ссыльных, причем это были представители нижних ступеней бюрократии: канцеляристы, писари, аппликанты. Остальные социальные группы отличались малочисленностью: духовенство – 6,46%, мещане – 3,98%, учащаяся молодежь – 3,48%. Меньше всего было представителей интеллигенции – 0,99%.

Во второй четверти XIX в. появляется еще один источник формирования польской диаспоры в Сибири – добровольные польские переселенцы. Установить их численность – одна из задач современных исследователей. Термин «добровольные переселенцы» является условным, поскольку их миграция в Сибирь отчасти была вынужденной в силу условий социально-экономического и политического развития Польши. Социальный состав переселенцев отличается от социального состава ссыльных большей демократичностью. Согласно данным ГКП дворян среди них было всего 12,54%. Самая большая группа представлена поселенцами – 39,19%. В Сибирь стремились те, кто не мог обеспечить себе комфортное существование на родине, например, по причине недостатка земли. Помимо возможности получить земельные наделы, Сибирь привлекала перспективой сделать карьеру на государственной службе. По данным ГКП 39,78% взрослых поляков мужского пола служило в административных учреждениях Сибири.

В Сибири была еще одна категория поляков. Речь идет об уголовных ссыльных. В работе они не рассматривались, поскольку реально были изолированы от общества и, за редким исключением, не могли оказывать влияние на формирование польской диаспоры.

Правовое положение польских политических ссыльных в конце XVIII – первой половине XIX в. хорошо изучено. В системе политической ссылки они квалифицировались как «политические преступники», занимая промежуточное положение между «государственными преступниками» и уголовниками. Реально положение «государственных преступников» – декабристов – мало отличалось от положения польских «политических преступников». Термин «политический

преступник» использовался в работе по той причине, что позволял определять национальную принадлежность ссыльного, поскольку в официальных документах к нему обычно делалась приписка «польский» или «из поляков».

Положение ссыльных несколько отличалось от представлений, сложившихся на этот счет в общественном сознании. Можно утверждать, что ссылка была для поляков, прежде всего, моральным испытанием. «Поражение в правах» юридически делало их бесправными, однако это положение смягчалось тем, что на практике правила содержания «политических преступников» полностью не выполнялись. Последнее обстоятельство зависело от отношений ссыльных с сибирским начальством. В Сибири родового дворянства не было и привилегированной социальной группой являлось чиновничество, которое стремилось подняться до уровня дворянства. Большая часть польских ссыльных принадлежала к высокостатусным сословиям, что вызывало уважение у представителей местной элиты.

Выяснение статуса добровольных переселенцев из Польши сопряжено с трудностями, обусловленными состоянием источников. В официальной документации не делались отметки о национальности переселенцев. Критерием вычленения поляков из общего списка переселенцев являются их католическое вероисповедание и фамилии. Однако факт, что поляки никак особенно не выделялись в официальной документации, говорит о том, что на них не распространялись ограничения, которым подвергались представители отдельных этносов в России.

Таким образом, анализ социального состава и правового положения поляков, попадавших в Сибирь в конце XVIII – первой половине XIX в., позволяет сделать следующие выводы. Польские ссыльные отличались социальной однородностью и высоким уровнем культуры. Правовое положение ссыльных поляков смягчалось благодаря их принадлежности к высокостатусным сословиям, но сознание юридической бесправности и зависимости от сибирских чиновников способствовало росту этнического самосознания. Поэтому ссыльные стали интеллектуальным ядром сообщества поляков в Сибири, и занялись обоснованием идеи их национально-культурной общности. Им принадлежала ведущая роль в процессе формирования польской

диаспоры, к которой присоединились соотечественники из числа добровольных переселенцев.

ВО ВТОРОЙ ГЛАВЕ — «Общественно-политическая деятельность поляков в Сибири» — рассматриваются формы консолидированной деятельности поляков, отражающие их этническое самосознание. Одним из признаков диаспоры является верность ее представителей основному национально-культурному массиву, за пределами которого они проживают, и сохранение самоназвания. Принудительное переселение в Сибирь участников польского освободительного движения в конце XVIII — первой половине XIX в. стимулировало дискурс о родине, несмотря на то, что в этот период Польша как государство прекратила свое существование. Действие «избранной травмы» — напоминания об отрицательной роли России в судьбе Польши — усиливалось благодаря постоянному притоку в Сибирь участников польского освободительного движения. Военный опыт части ссыльных определил одну из форм их протеста — разработку плана восстания в Сибири. Были раскрыты два таких заговора: в Томске — в 1814 г. и в Омске — в 1832 — 1833 гг.

Обстоятельства заговора 1814 г. слабо исследованы. В фонде № 2 ГАОО хранится дело № 271а, в котором представлен именной список 19 «секретных арестантов», принявших участие в заговоре. До ссылки «секретные арестанты» принадлежали к разным социальным категориям. В Сибири они объединились для общего дела на том основании, что были поляками и испытывали недовольство в отношении российских порядков. Заговор был раскрыт, его участники арестованы и помещены в Томский тюремный острог.

Второй заговор был раскрыт в Омске в 1832 — 1833 г., и следствие по нему велось несколько лет. Еще по пути в ссылку участники восстания в Царстве Польском начали разрабатывать план восстания в Сибири с целью освобождения из неволи. Они намеревались привлечь на свою сторону или нейтрализовать местное население. Заговорщики распространяли слухи о том, что Константин Павлович Романов выступит на стороне восставших поляков и восстановит справедливость в стране. Таким образом они пытались вызвать в среде сибиряков позитивное отношение к своему будущему политическому предприятию.

В обоих случаях на себя обращает внимание факт, что заговорщиков объединяло общее происхождение, которое нашло выражение в самоназвании «поляк» и закрепилось за ссыльными в официальной документации и сознании сибиряков. В дальнейшем у сибирской администрации еще будут возникать опасения относительно подготовки польскими ссыльными нового «возмущения». Наконец, в 1866 — 1867 гг. замысел польских ссыльных поднять в Сибири восстание был реализован. Устойчивость намерений польских ссыльных поднять восстание во имя освобождения соотечественников свидетельствовала об одной из тенденций в развитии польской диаспоры в Сибири.

Другой формой деятельности поляков в Сибири, способствовавшей формированию диаспоры, стала религиозная. На рубеже XVIII — XIX вв. в Сибири появляются представители польского католического духовенства, в том числе в качестве политических ссыльных. Наиболее известной фигурой был монах Ф. Чечерский, сосланный на каторгу в Нерчинские заводы в 1797 г. В более поздние исторические периоды польские священники также ссылались в Сибирь за участие в освободительном движении. В соответствии с данными ГКП в середине 30-х гг. среди «заливщиков» доля ксендзов составила 10,66%.

В 20-е гг. XIX в. в связи с ростом численности католиков в Западной Сибири возникла необходимость в строительстве католической церкви. В 1824 г. курат Апонасевич писал в Могилевскую римско-католическую консисторию, в подчинении которой находились сибирские приходы, что помещение церкви должно вмещать до 400 прихожан.

По ряду причин строительство церкви затянулось. Сказывался недостаток средств. К тому же Апонасевич не мог договориться с Томским губернским правлением о выделении места под застройку. Наконец, дело сдвинулось в 1830 г. благодаря ходатайству графини Мошинской о выделении 2000 рублей на строительство здания. Однако Ноябрьское восстание в Варшаве в 1830 г. затормозило этот процесс. Польское духовенство находилось под подозрением правительства. В 1832 г. вышел указ, в соответствии с которым священники должны были присягнуть императору на верность.

В 1834 г. церковь в Томске функционировала и играла важную роль в жизни польской диаспоры. Само появление прихода в Западной Сибири стало возможным благодаря становлению этого сообщества. В крестоприводных книгах томской церкви за 1834 – 1861 гг. среди прихожан упоминались одна австрийская семья, двое «итальянцев» и три семьи евреев-католиков, а остальные были поляками. Все священники также были польского происхождения. Священники обслуживали территорию Томской, Тобольской губерний и Омской области. За 26 лет (1834 – 1860 гг.) каждый священник в среднем совершил по 4,8 поездки в год.

Деятельность католической церкви способствовала объединению поляков. Верность католицизму считалась чертой национально-го характера. Поэтому случаи перехода поляков в православие в конце XVIII – первой половине XIX века были немногочисленны.

Появление римско-католических приходов способствовало тому, что в Сибирь по своей воле вслед за мужьями и женихами приезжают польки. Семья является одним из гарантов сохранения национальной культуры, как материальной (пища, одежда, жилье), так и духовной (ценности, традиции). Согласно ГКП среди 799 польских переселенцев числились младенцы, появившиеся на свет уже в Сибири в период с 1834 по 1861 гг. – всего 281 младенец, что составило 35, 16 % от общего числа польских прихожан. Это значительный показатель того, что польская диаспора в Сибири росла и пускала корни на сибирской земле.

Таким образом, можно констатировать, что к середине XIX в. польская диаспора разрасталась не только за счет экспатриации, но и благодаря естественному воспроизводству. Деятельность римско-католической церкви способствовала укреплению связей между соотечественниками и сдерживала ассимиляцию.

Развитие земляческого движения стало еще одним фактором становления диаспоры поляков в Сибири. Землячества позволяли отчасти воссоздавать привычную атмосферу в условиях инокультурной среды. Члены землячеств оказывали друг другу финансовую и моральную поддержку, предостерегая соотечественников от отчаянных поступков. Испытания последних лет (арест, суд, приговор) в сочетании с новым правовым статусом нередко становились причи-

ной девиантного поведения поляков, которое выражалось в сумасшествии и попытках самоубийства. В начале 30-х гг. XIX в. возникали конфликтные ситуации между польскими военнослужащими и местными жителями. Поляки отличались от местных жителей привычкам и менталитетом. Для сибиряков, едва ли знакомых с положением вещей в Царстве Польском, поляки представлялись бунтарями-неудачниками. Ко всему прочему, они были католиками, что дополняло первое неблагоприятное впечатление, сложившееся у сибиряков о поляках. Привыкание к новым условиям последних усложняла непривычная среда: языковой барьер, бытовые условия и т.п. Все вместе это способствовало объединению поляков в землячества.

В 30-е гг. XIX века концентрация поляков в сибирских городах становилась все заметнее. Колонии поляков появились во многих городах Западной Сибири: Кургане, Таре, Омске, Петропавловске, Семипалатинске, Томске и т.д. В Восточной Сибири польские колонии сложились главным образом за счет политических ссыльных. Получило известность земляческое сообщество под названием «Союз изгнанников». Оно сформировалось в Нерчинском горном округе в конце 30-х гг. XIX в. из числа польских ссыльных и просуществовало полтора десятилетия. Его членами был разработан устав, согласно положениям которого изгнанником считался каждый поляк, сосланный в Сибирь за политические преступления. Члены «Союза» обязывались следовать четырем принципам: народности, нравственности, взаимной братской помощи и религиозности.

Устойчивость возникшего на Нерчинских заводах польского земляческого сообщества обеспечивалась социальной однородностью и высоким уровнем этнического самосознания его членов. Членство в «Союзе изгнанников» могло продолжаться до тех пор, пока поляк не возвращался на родину. У «Союза» была касса взаимопомощи. Взносы выплачивались из денег, присылаемых ссыльным родственниками или заработанных на коммерческих операциях в Сибири. По утверждению А. Гиллера, временами в кассе было до нескольких тысяч рублей. За счет кассы осуществлялась финансовая помощь тем соотечественникам, которые были стеснены в средствах. Не отказывали в материальной помощи и тем, кто формально не являлся членом «Союза».

Земляческое движение позволяло смягчить процесс адаптации поляков в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX вв. и частично обеспечить социальную защиту соотечественников. В наибольшей степени это было характерно для политических ссыльных, поскольку для них проблема адаптации стояла особенно остро. На примере деятельности нерчинского землячества четко просматривается стремление поляков сохранить «национальный характер» в условиях иноэтнической среды.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ «Административно-хозяйственная и культурно-просветительская деятельность поляков в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века» – рассматривается участие поляков в жизни сибирского общества.

В конце XVIII – первой половине XIX века Сибирь была слабо освоенной территорией Российской империи. Ревизии 1819 и 1851 гг. свидетельствовали о неэффективном управлении краем. Сибирские учреждения нуждались в высококвалифицированных чиновниках-управленцах. Ощущался недостаток в учителях и врачах. Для несения службы в пограничном районе на юге Сибири требовались квалифицированные военные. Поэтому представителями местной власти приветствовалось желание поляков поступить на службу, даже если это были политические ссыльные. По завершении срока наказания либо амнистии польские «политические преступники» получали право поступать на службу. В течение второй четверти XIX в. амнистия проводилась три раза: в 1841 г по случаю бракосочетания наследника престола, в 1850 г. в связи с 25-летней годовщиной воцарения на престол Николая I, наконец, в 1856 г. – по поводу воцарения Александра II.

Число политических ссыльных, поступивших на службу в административные учреждения Сибири, уступало числу добровольных польских переселенцев. В соответствии с данными ГКП из 398 ссыльных мужского пола на службе числились 22 человека (5,53%), а из 274 переселенцев – 68 человек (24,82%). Примеров достижения блестящей карьеры среди поляков в указанный период было немного. Чаще всего поляки занимали невысокие должности. У политических ссыльных в силу их статуса возможности продвижения были

ограничены. Добровольно на службу в Сибирь ехали те, кто не надеялся добиться больших успехов на родине.

Помимо службы в административных учреждениях, поляки отдавали предпочтение службе по медицинской (13,23%) и военной части (23%). Гораздо сложнее установить масштабы деятельности поляков в системе образования. В официальных документах упоминаются поляки, которые служили учителями в Томской, Тобольской гимназиях и Омском кадетском корпусе. Однако поляков охотно приглашали работать домашними учителями и воспитателями. В их числе оказывались политические ссыльные, которым даже после амнистии запрещалось служить «по учебной части». Поэтому привлечение в сферу просвещения ссыльных всячески скрывалось как ими самими, так и сибиряками.

Участие поляков в предпринимательстве в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. было менее заметным, чем в административной, военной или медицинской сферах. Купцов польского происхождения было мало. Этот факт объясняется рядом причин. Масштабы переселенческого движения поляков в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. были незначительны, а политическим ссыльным записаться в купеческое сословие было возможно лишь с позволения императора. Однако купец из числа «политических преступников» продолжал находиться под надзором, а география его поездок была ограничена рамками территории, к которой он был причислен. Реально степень участия членов польской диаспоры в предпринимательстве Сибири была все-таки выше. Несмотря на статус политических ссыльных, последние получали возможность начать свое дело. В 1827 г. Иркутская городская дума позволила ссыльным по необходимости заниматься промыслами. В 50-е гг. XIX века в Сибири нашла распространение практика передоверять проведение торговых операций приказчикам и подрядчикам. Для польских «политических преступников», выходявших на поселение, открывалась возможность найти неплохой заработок и обрести связи в коммерческих кругах. К тому же многие польские ссыльные имели образование и опыт службы в государственных учреждениях, что ценилось в купеческой среде.

В целом, масштабы предпринимательской деятельности членов польской диаспоры в Сибири в указанный период были невелики. Их участие в экономическом развитии края станет заметнее в пореформенный период. Наиболее известен своей успешной предпринимательской деятельностью во второй четверти XIX в. А. Поклевский-Козелл. Он приехал в Сибирь по собственному желанию и служил чиновником по особым поручениям в ГУЗС. С именем А. Поклевского связано развитие речного транспорта в Западной Сибири, а также крупнейшего винокуренного производства. Успеху его предпринимательской деятельности способствовали связи, которыми он обзавелся во время службы, а также протекция генерал-губернатора П. Д. Горчакова. Но не менее важную роль в успешном бизнесе сыграли его близкие: брат, сестра и жена Анжелика. А. Поклевский создал семейный бизнес и сумел сохранить крепкие отношения внутри семьи, которые не распались из-за вопросов о наследстве.

Данные ГКП позволяют утверждать, что к середине XIX в. поляки сумели адаптироваться в сибирском обществе. Всплеск активности поляков в Сибири пришелся на вторую четверть XIX в., поскольку должно было пройти время, чтобы оказавшиеся в Сибири поляки смогли освоиться в условиях иноэтнического окружения. Возраст тех, кто принимал участие в административно-хозяйственной и культурно-просветительской деятельности в Сибири, был благоприятен для эффективной работы и карьеры: от 30 до 45 лет. Нельзя забывать, что нравственный облик членов польской диаспоры, главным образом за счет политических ссыльных, был также высок.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ подводятся итоги исследования. Своим возникновением в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. польская диаспора обязана двум категориям поляков: политическим ссыльным и добровольным переселенцам. Решающую роль в процессе возникновения польской диаспоры сыграла политическая ссылка, социальную основу которой составляли представители привилегированных сословий, прежде всего шляхта. Польские переселенцы представляли собой менее однородную по социальному составу совокупность. Среди них преобладали представители низкостатусных социальных категорий общества.

Объединению поляков в диаспорное сообщество способствовал ряд факторов. Вынужденный характер появления поляков в Сибири способствовал осознанию их единства на основе общего происхождения. Показателем развития национального самосознания поляков стало сохранение их самоназвания. Связь диаспоры с родиной обеспечивалась благодаря ее постоянному пополнению за счет польских ссыльных и переселенцев. Свидетельством формирования диаспоры в Сибири стали организованные формы деятельности поляков. Важным объединительным фактором поляков стала их принадлежность к иной, чем у россиян, политической традиции. Идея польских политических ссыльных поднять восстание в Сибири, чтобы освободиться из российской неволи и возвратиться на родину, отличалась устойчивостью. Принадлежность к католическому вероисповеданию стала другим фактором единства поляков. Земляческое движение помогало частично воссоздать атмосферу, характерную для основного национально-культурного массива и отчасти обеспечивать социальную защиту соотечественников.

Благодаря действию этих факторов поляки, оказавшиеся в конце XVIII – первой половине XIX века в Сибири, в наименьшей степени оказались подвержены ассимиляции. Не последнюю роль в процессе формирования польской диаспоры сыграла атмосфера терпимости принимающего общества.

В ПРИЛОЖЕНИЕ вошли данные ГКП: список польских политических ссыльных и добровольных переселенцев, проживавших в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ: Ряд положений и основные выводы были представлены на международной конференции «История предпринимательства в Сибири в XVIII – XIX вв.» (Новосибирск, 1995), республиканской конференции «Актуальные проблемы современной российской модернизации» (Абакан, 2001), международной конференции «Католическая церковь в Сибири: прошлое, настоящее, будущее» (Польша, 2001).

По теме диссертации опубликованы следующие основные работы:

1. История одного заговора (О попытке польских военнопленных поднять восстание в Сибири в 1814 г.). // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Выпуск. 5. Абакан, 2000. - 0,5 п.л..

2. Historia pewnego spisku. //Wrocławskie Studia Wschodnie. № 4. – Wrocław, 2000. - 0,5 п.л.

3. Социальная работа как способ адаптации и самосохранения в условиях политической ссылки (на примере деятельности польских политических ссыльных. //Из истории и теории социальной работы в Сибири на рубеже XIX – XX веков. По материалам международной научно-практической конференции. Том 1. Новосибирск, 2000. - 0,4 п.л.

4. Из истории формирования Томского римско-католического прихода во второй четверти XIX в. // Из социально-политической истории Сибири XVIII – начала XX вв. Бахрушинские чтения. Новосибирск, 2001.- 0,4 п.л.

Сдано в печать:

1. Диаспора как социокультурное явление. (Из истории формирования польской диаспоры в Сибири в первой половине XIX в.) // Актуальные проблемы современной российской модернизации. – Абакан, 2001.- 0,4 п.л.

2. Kościół katolicki jako czynnik integracji polskiej diaspory na Syberii w pierwszej połowie XIX w. //Kościół katolicki na Syberii. Historia – Terazniejszość – Przeszłość. – Wrocław, 2002. - 1 п.л.

Оплаканская
Рената Валерьевна

Польская диаспора в Сибири в конце XVIII – первой половине XIX века

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Подписано в печать 09.07.2001. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Печать копи-принтер. Физ.печ.л. 2.

Усл.печ.л. 1,86. Уч. –изд.л. 1,75. Тираж 100 экз.

Заказ № 136.

Лицензия ИД 03204 от 10 ноября 2000 г.

Издательство Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова
Отпечатано в типографии Хакасского государственного университета
им. Н.Ф. Катанова
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 94